

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЧУДО ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

Как Узбекистану удалось то, что не удалось ни одной постсоветской экономике¹

Владимир Попов²

Теперь уже и забылось, как в 90-е годы либеральные экономисты – наши и зарубежные – доказывали, что переходные экономики растут тем быстрее, чем больше либерализация, приватизация и демократизация, что Прибалтика поэтому впереди планеты всей, а Средняя Азия безнадежно отстает. Время заставило на многое взглянуть по другому. Как видно из рис.1, сегодня в экономическом соревновании выигрывают не экономически либеральные и демократические режимы, а Туркменистан, Узбекистан, Азербайджан, Казахстан, Беларусь. В Узбекистане ВВП в 2012 году составил более 200% от уровня допереходного 1989 года – это лучший показатель в бывшем СССР (за исключением Туркменистана) и Восточной Европе. Это даже больше, чем рост ВВП в странах-передовиках капитализма – Венгрии, Польше, Словакии, Словении, Чехии. По этому показателю Узбекистан уступает лишь еще двум азиатским переходным экономикам – Китаю и Вьетнаму.

Да, население Узбекистана увеличилось за 23 переходных года с 20 до 30 миллионов человек, так что в расчете на душу населения успехи несколько скромнее. Но, во-первых, сам рост населения вместо падения, как во многих других странах, – свидетельство успеха, а во-вторых, и рост реального подушевого ВВП впечатляет – без малого на 40 % за 23 года, или почти на 1,6% в год. Не так много стран могут похвастаться таким результатом, особенно из тех, которым пришлось пережить трансформационный спад начала 90-х годов прошлого века. А в Узбекистане и трансформационный спад был менее глубоким и продолжительным (падение на 18% в 1991-95 гг.), и восстановление производства было более быстрым – по 3-4% в 1995-2003 гг. и по 7-9% в 2005-2012 гг.). Да и увеличивать ВВП при быстром росте населения сложнее, чем при

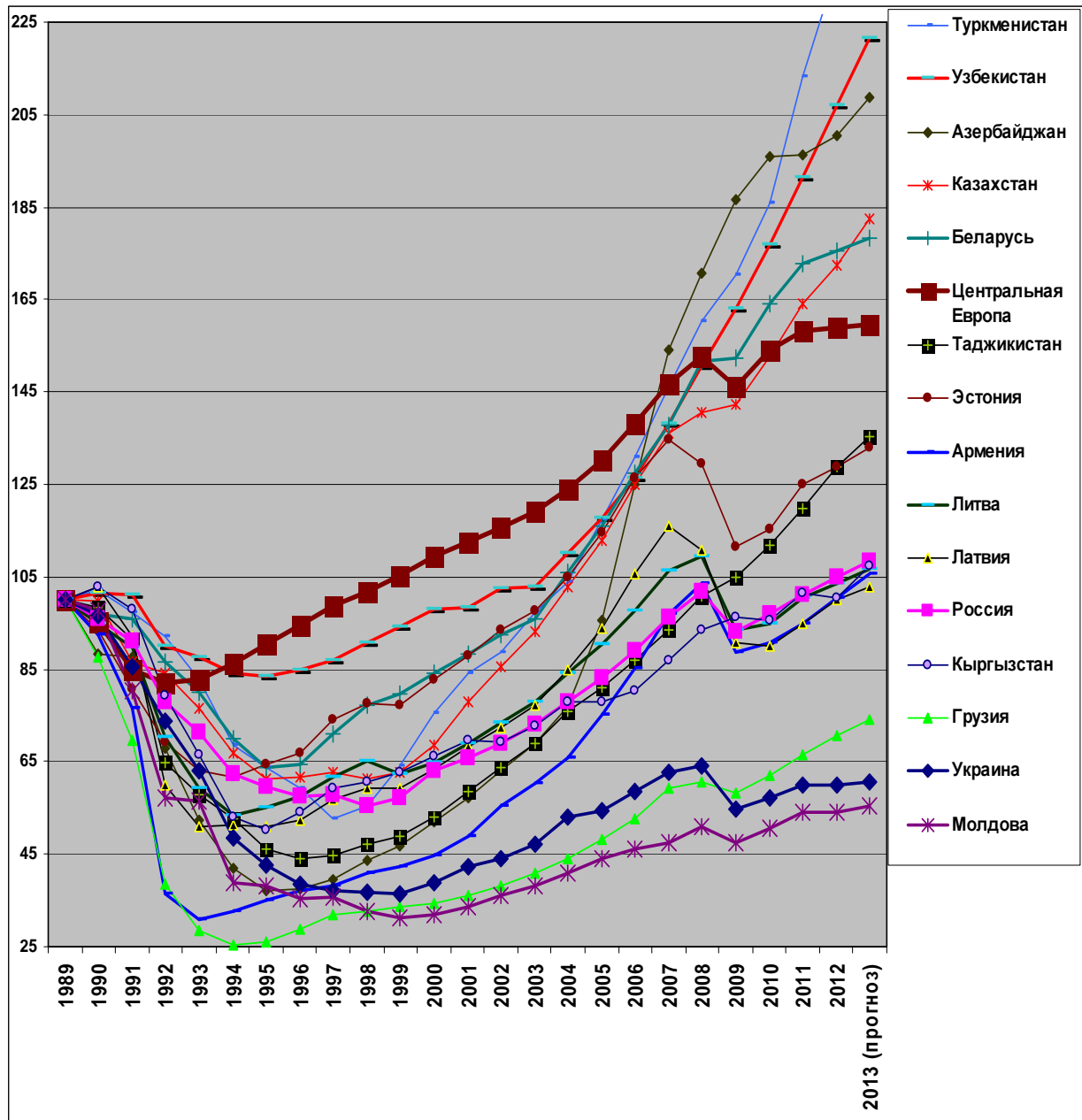
---

¹ Полная версия статьи будет опубликована в Журнале Новой экономической ассоциации №1 (21), 2014.

² Профессор Высшей школы международного бизнеса РАНХиГС и почетный профессор Российской экономической школы.

медленном – поэтому Китай и старается ограничить рост населения, проводя политику «один ребенок в семье».

Рис. 1. Динамика ВВП в бывших советских республиках, 1989 г.= 100%

Источник: EBRD Transition Reports за разные годы.

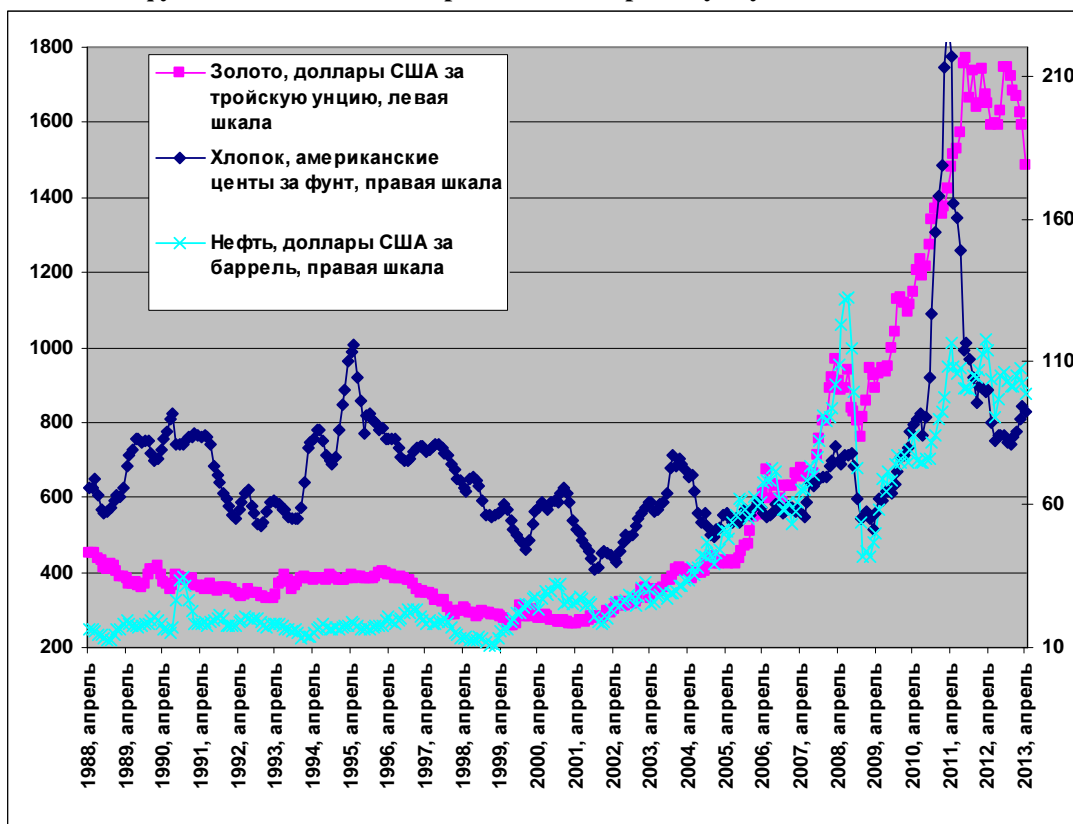
Примечательно, что и кризис 2008-09 гг. Узбекистан практически не затронул. В то время как в Прибалтике производство упало на 15-20%, а в Армении,

Венгрии, Молдове, России, Словении, на Украине – на 8-15%, в Узбекистане темпы роста едва снизились – с 9% в 2008 году до 8% в 2009 году.

Был ли успех?

Да, значительную роль в экономическом успехе сыграли благоприятные условия торговли – цены на газ, хлопок, золото – важные статьи узбекского экспорта, в 2002-10 гг. выросли в 4 раза (рис. 2). Но ведь Россия, да и многие другие нефтеэкспортеры, не смогли «превратить» благоприятную внешнюю конъюнктуру в быстрые темпы роста. А Узбекистан не является крупным экспортером топлива и энергии (а в советское время был нетто-импортером), хотя и добился за годы независимости энергетической самообеспеченности и стал чистым экспортером энергоресурсов.

Рис. 2. Мировые цены на нефть (доллары США за баррель), хлопок (центы США за 1 фунт) и золото (доллары США за тройскую унцию)

Источник: Index Mundi,

<http://www.indexmundi.com/commodities/?commodity=cotton&months=300&commodity=gold&indicator=price-ratio>

Кроме того, сказать что внешние условия уж очень благоприятствовали Узбекистану язык не поворачивается. Дело в том, что Узбекистан не просто не имеет выхода к морю, но и является одной из двух стран в мире (вторая – Лихтейнштейн), соседи которых тоже выхода к морю не имеют.

Дежурный аргумент, что в Узбекистане народ живет беднее, чем в России, и едет подрабатывать в Россию, в данном случае к делу не относится. В Узбекистане и производительность труда, и уровень жизни всегда были ниже, чем в России. В конце советского периода реальные доходы в Узбекистане составляли примерно половину от российского уровня, а после развала СССР разрыв увеличился многократно – вопреки лучшей динамике производства в Узбекистане и благодаря неблагоприятному для Узбекистана изменению относительных цен на производимую продукцию. Узбекистан был крупным импортером нефти, а его торговля со всеми странами, включая республики бывшего СССР, если пересчитать ее в мировые цены, создавала дефицит в 9% ВВП (Soviet economy, 1991), который покрывался скрытыми субсидиями – заниженными внутрисоветскими ценами на энергоносители – из нефтепроизводящих республик. Когда же относительная стоимость ввозимого топлива и сырья для республик-импортеров постепенно возросла в разы, пришлось за тот же по объему импорт платить много больше. Вдобавок прекратилось и открытое субсидирование – в 1990 г. только межбюджетные трансферты (прямые субвенции из союзного бюджета) составили 31% доходов республиканского бюджета (Soviet Economy, 1991) – из-за чего уровень жизни в Узбекистане в начале 90-х резко упал еще больше по сравнению с российским. Сейчас (2012 год) ВВП по паритету покупательной способности (ППС) на душу населения в Узбекистане всего 3600 долларов США против 24000 в России и свыше 10000 в Азербайджане, Казахстане и Туркменистане.

Уровень жизни и реальные доходы, в особенности для стран сильно вовлеченных в мировую торговлю, во многом определяются именно колебаниями мировых цен. Скажем, в какой-то стране, производящей только нефть, объем выпуска не увеличился, но мировые цены на нефть поднялись – тогда ВВП в текущих ценах и подушевые доходы возрастут (на доходы от

экспорта нефти можно будет купить больше товаров на мировом рынке). Это настоящий рост реальных подушевых доходов, который вызван не ростом производства, а изменением условий торговли. Так что если говорить о динамике производства, а не о доходах, определяемых также и условиями торговли, и масштабами экономической помощи, то в Узбекистане она была намного лучше, чем в России.

Вот как увеличился подушевой ВВП в текущих и постоянных долларах по ППС в 1990-2012 гг. в странах большого региона, который теперь по классификации ООН называется Северной и Центральной Азией (таблица 1 – Китай к региону не относится, но показан для сравнения).

Таблица 1. Прирост подушевого ВВП в текущих долларах и в постоянных долларах 2005 г. по паритету покупательной способности (ППС) в 1990-2012 гг. в странах Северной и Центральной Азии и в Китае, в %

Страны	Азербай- джан	Казах- стан	Туркме- нистан	Россия	Арме- ния	Таджи- кистан	Кыргыз- стан	Грузия	Узбеки- стан	Китай
Прирост в текущих долларах	209.4	171.3	139.6	193.9	213.2	3.4	2.2	33.1	148.3	1061.5
Прирост в постоянных долларах 2005 г.	92.6	68.9	49.2	20.2	94.9	-35.6	-17.7	-17.1	54.6	623.0

Источник: WDI.

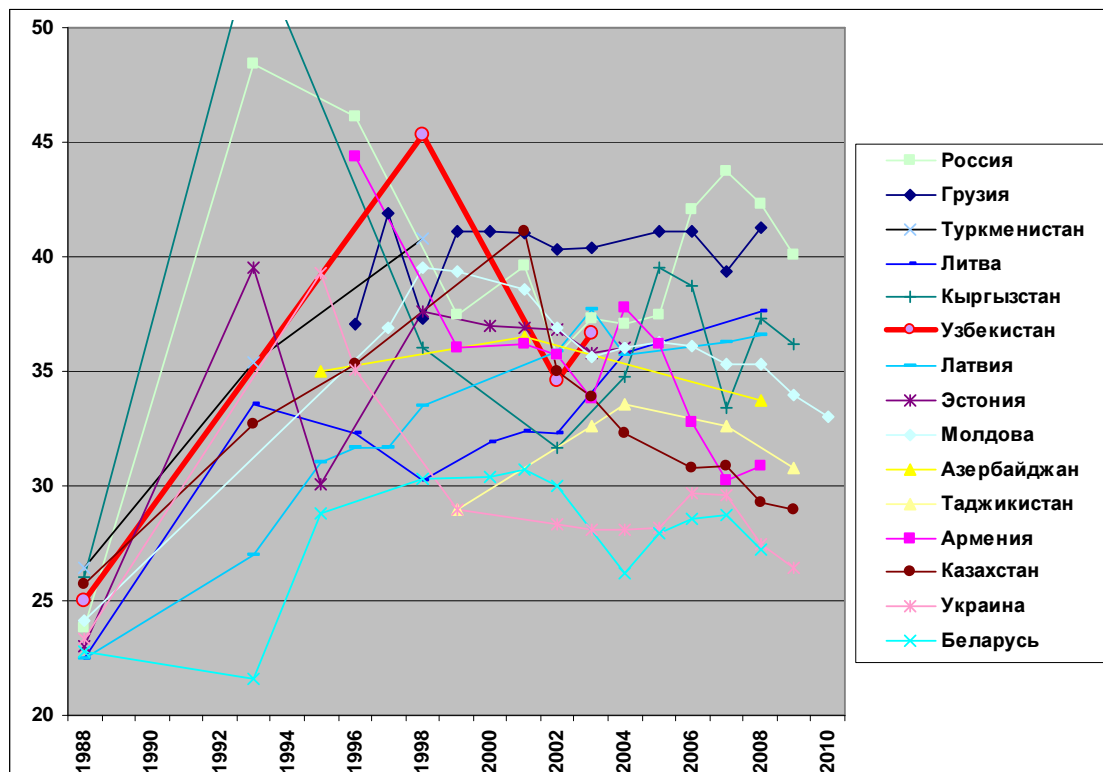
Как видно, ресурсные экспортеры (Азербайджан, Казахстан, Туркмения и Россия) и Армения (где роль ресурсной ренты сыграли поступления от диаспоры) существенно увеличили подушевой ВВП как в текущих, так и в постоянных ценах, а из нересурсных стран рост наблюдался только в Китае и Узбекистане. В этом отношении Узбекистан довольно исключителен на всем

постсоветском пространстве – хорошая динамика производства без ресурсной ренты наблюдалась еще раз в Беларуси, но не в таких масштабах.

Кроме того, и в теории (модель Солоу), и на практике существует отрицательная зависимость между темпами роста подушевого ВВП и темпами роста населения – чем выше темпы роста населения, тем труднее увеличивать подушевой ВВП, так как ограниченные инвестиции идут на создание рабочих мест для вступающих в трудоспособный возраст, а не на увеличение капиталовооруженности (K/L), с которым и связано увеличение производительности труда. Так что рост подушевого ВВП в стране с большим ростом населения заслуживает большего уважения, чем рост ВВП на душу в стране с сокращающимся населением. Успех страны измеряется не только ростом ВВП на душу, но и ростом населения. Успех Узбекистана, поэтому, более респектабелен, чем успех Беларуси и Армении, где население в 1989-2012гг. сократилось. А по росту ВВП в 1989-2012гг. Узбекистан на 2-ом месте после Туркменистана в бывшем СССР (рис. 1).

Продолжительность жизни в Узбекистане такая же, как и в России в 2008 году (68 лет) и, хоть и не выросла за 20 лет, но и не сократилась, как в других бывших советских республиках в начале 90-х годов; распределение доходов очень равномерно, лучше чем во многих других постсоветских странах (коэффициент Джини – на уровне 35-36% в 2002-2003гг., по данным Всемирного банка – рис. 3, и немногим более 30% в 2012 году по данным национальной статистики). В узбекских городах не видно мерседесов и альфаромео, не говоря уже о бентли и майбахах, но и бездомных и нищих тоже нет. Уровень убийств – всего 3 человека на 100 000 жителей в 2008 году (против 12 в России). В Ташкенте при входе в метро сумки досматривают, везде плакаты «Бдительность – требование времени». Но факт остается фактом: после взрывов у посольств США и Израиля и в здании прокуратуры в 2004 году и подавления восстания в Андижанской тюрьме в 2005 году в Узбекистане не было ни крупных терактов, ни беспорядков.

Рис. 3. Коэффициент Джини распределения доходов в постсоветских странах в 1988-2010 гг., %

Источник: World Development Indicators database.

Статистика числа миллиардеров и «олигархоемкости ВВП» (табл. 2) дополняет данные о коэффициенте Джини, исчисляемом на основе обследований домохозяйств, которые плохо учитывают распределение доходов на самом верху доходной пирамиды. Недавний подсчет журнала «Форбс» (начало 2013 г.) ставит Грузию, Россию и Украину впереди (с большим отрывом) остальных пост-коммунистических стран по числу миллиардеров на 1 триллион долларов ВВП по ППС. За ними идут Чехия и Казахстан, Китай Польша, Вьетнам, Румыния, а в других пост-коммунистических странах миллиардеров вообще нет, даже если их ВВП больше грузинского. Скажем, Азербайджан и Узбекистан должны были бы иметь порядка 10 миллиардеров, если бы их олигархоемкость ВВП была бы на уровне российской, но на самом деле не имеют ни одного.

Таблица 2. Миллиардеры в бывшем СССР, Восточной Европе, Китае и Вьетнаме в 2013 году (показаны только страны, в которых есть миллиардеры, и Узбекистан)

	Число миллиардеров	Общее состояние, млрд. долл.	ВВП по ППС в 2012 году	Число миллиардеров на 1 триллион долларов ВВП по ППС	Общее состояние миллиардеров в % к ВВП
Китай	122	260.9	12471	20.9	2.1
Россия	110	403.8	3380	119.5	11.9
Украина	10	31.3	338.2	92.5	9.3
Казахстан	5	9.2	233	39.5	3.9
Чехия	4	14.0	277.9	50.4	5.0
Польша	4	9.8	844.2	11.6	1.2
Грузия	1	5.3	26.6	199.2	19.9
Вьетнам	1	1.5	322.7	4.6	0.5
Румыния	1	1.1	352.3	3.1	0.3
Узбекистан	0	0	107	0.0	0.0

Источник: Forbes billionaires list (<http://www.forbes.com/billionaires/#page:1 sort:0 direction:asc search: filter:All%20industries filter:All%20countries filter:All%20states>); WDI.

В 2011 году Узбекистан стал 15-ой страной мира, в которых курсируют высокоскоростные поезда. Расстояние в 344 км от Ташкента до Самарканда поезд «Афросиаб» (сделанный испанской Talgo) преодолевает за 2 часа 10 минут (то есть, примерно со скоростью «Сапсана»). К 2015 году планируется продлить скоростную магистраль до Бухары и Карши.

Либерализации нет, рост есть

Экономические успехи Узбекистана совсем не укладываются в традиционную мудрость вашингтонского и даже пост-вашингтонского консенсуса, в соответствии с которой, чем больше экономическая либерализация и открытость экономики, тем лучше рост. Узбекистан – одна из трех стран СНГ

(наряду с Туркменистаном и Беларусью), в которых на предприятиях госсектора все еще создается более половины ВВП (табл. 3)³. Импортные пошлины на некоторые пищевые продукты, машины и оборудование очень высоки (вместе с налогами иногда поднимают цену на 100-150%), официальный курс валюты на 30% с лишним выше рыночного, а распределение иностранной валюты централизовано; доля доходов госбюджета в ВВП высока (40% против порядка 30% в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане⁴), существует план по фактически обязательным госзаготовкам хлопка.

Еще в 1998 году Дж. Зеттелмейер в статье, озаглавленной «Загадка узбекского роста» (Zettelmeyer, 1998), удивлялся, как это нелиберализованный Узбекистан сумел избежать глубокого трансформационного спада. Он заключил, что «Узбекистан наверняка добился бы еще большего при более благоприятных условиях для создания частных предприятий, стимулах для частного производства для сбыта, особенно в хлопководстве».

Альтернативный анализ (Попов, 1998, 2007) показывает совсем другое. Ключевым фактором спада в переходных экономиках была несостоятельность государства (government failure), а не несостоятельность рынка (market failure): именно коллапс государственных институтов и неспособность правительств предоставить традиционные общественные блага – от гарантий контрактов до охраны собственности, от сбора таможенных пошлин до обеспечения правопорядка – вызвали падение производства. Быстрое дерегулирование подрывало институциональный потенциал государства, так что от него было больше вреда, чем пользы. В тех же странах, где государство осталось более или менее дееспособным – от демократической Центральной Европы до авторитарных Азербайджана, Беларуси, Китая и Узбекистана, и экономическая динамика оказалась лучше.

---

³ Это оценка Европейского банка реконструкции и развития. По официальной статистике, доля частного сектора составляет более 84% (http://www.stat.uz/press/1/6031/?sphrase_id=78729), но сюда включаются все акционерные общества, в том числе и с долей государственного участия более 50%.

⁴ IMF, 2912; WB, 2012; EBRD statistical database - <http://www.ebrd.com/pages/research/economics/data.shtml>

Таблица 3. Доля частного сектора в ВВП в 1989-2009гг., %, в бывших советских республиках

Годы/ Страны	Эсто- ния	Арме- ния	Азер- бай- джан	Кыр- гыз- стан	Гру- зия	Лит- ва	Лат- вия	Ка- зах- стан	Мол- дова	Рос- сия	Укра- ина	Тад- жики- стан	Уз- беки- стан	Бела- русь	Турк- мени- стан
1989	10	10	10	5	10	10	10	5	10	5	10	10	10	5	10
1990	10	10	10	5	15	10	10	5	10	5	10	10	10	5	10
1991	10	30	10	15	15	10	10	5	10	5	10	10	10	5	10
1992	25	35	10	20	15	20	25	10	10	25	10	10	10	10	10
1993	40	40	10	25	20	35	30	10	15	40	15	10	15	10	10
1994	55	40	20	30	20	60	40	20	20	50	40	15	20	15	15
1995	65	45	25	40	30	65	55	25	30	55	45	25	30	15	15
1996	70	50	25	50	50	70	60	40	40	60	50	30	40	15	20
1997	70	55	40	60	55	70	60	55	45	70	55	30	45	20	25
1998	70	60	45	60	60	70	65	55	50	70	55	30	45	20	25
1999	75	60	45	60	60	70	65	60	45	70	55	40	45	20	25
2000	75	60	45	60	60	70	65	60	50	70	60	40	45	20	25
2001	75	60	60	60	60	70	65	60	50	70	60	45	45	20	25
2002	80	70	60	65	65	75	70	65	55	70	65	50	45	25	25
2003	80	70	60	65	65	75	70	65	55	70	65	50	45	25	25
2004	80	75	60	75	65	75	70	65	55	70	65	50	45	25	25
2005	80	75	60	75	65	75	70	65	60	65	65	55	45	25	25
2006	80	75	60	75	70	75	70	65	65	65	65	55	45	25	25
2007	80	75	75	75	75	75	70	70	65	65	65	55	45	25	25
2008	80	75	75	75	75	75	70	70	65	65	65	55	45	30	25
2009	80	75	75	75	75	75	70	65	65	65	60	55	45	30	25

Источник: EBRD Transition report.

Говорят, что узбекская статистика завышает темпы экономического роста, потому что занижает темпы роста цен. МВФ оценивал темпы роста индекса потребительских цен (ИПЦ, декабрь к декабрю) в 2012 году в 11% против 7% по официальным данным (World Bank, 2013). Одно из возможных объяснений такого расхождения – процедура подсчета индексов цен на продукты питания: зимой многие фрукты и овощи, пропадающие с прилавков, вообще исключаются из подсчета цепных месячных ИПЦ, а весной эти товары включаются с очень высокими ценами, так что на ИПЦ влияет снижение этих цен летом, но не влияет рост этих цен зимой. Но как бы то ни было, жалобы касаются индекса потребительских цен, а не на индекса-дефлятора ВВП, темпы роста которого примерно в 2 раза выше, чем темпы роста ИПЦ (15-24% в год в 2004-12 гг.) и который и используется для исчисления ВВП в постоянных ценах путем дефлирования ВВП в текущих ценах. Европейский банк реконструкции и

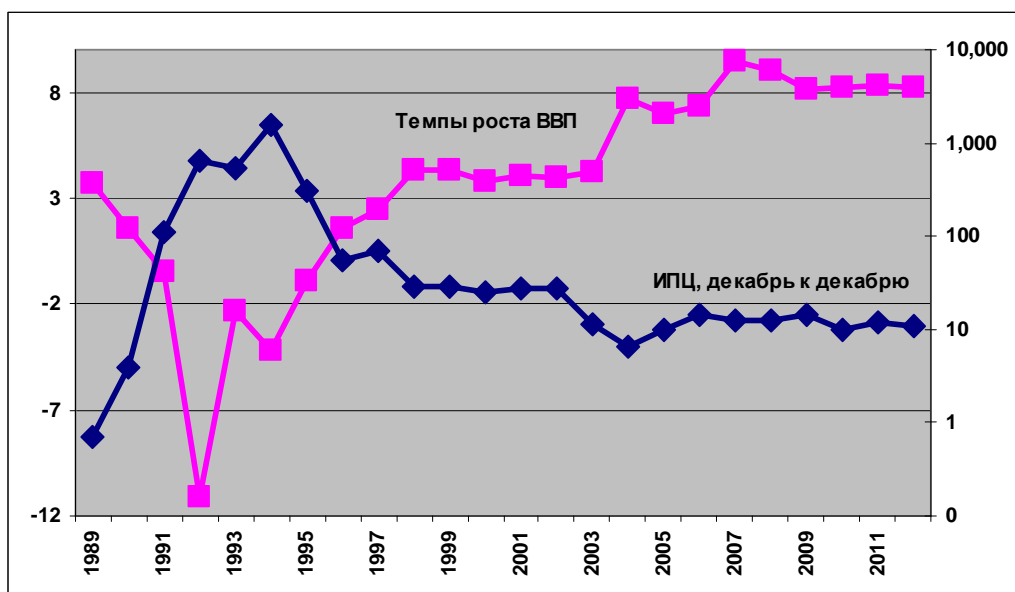
развития, на данных которого и основан рис. 1, принимает оценки ИПЦ, делаемые МВФ, но не пересматривает официальные данные о росте физического объема ВВП Узбекистана. МВФ и Всемирный банк тоже принимают официальные данные об экономическом росте (World Bank, 2013; IMF, 2012).

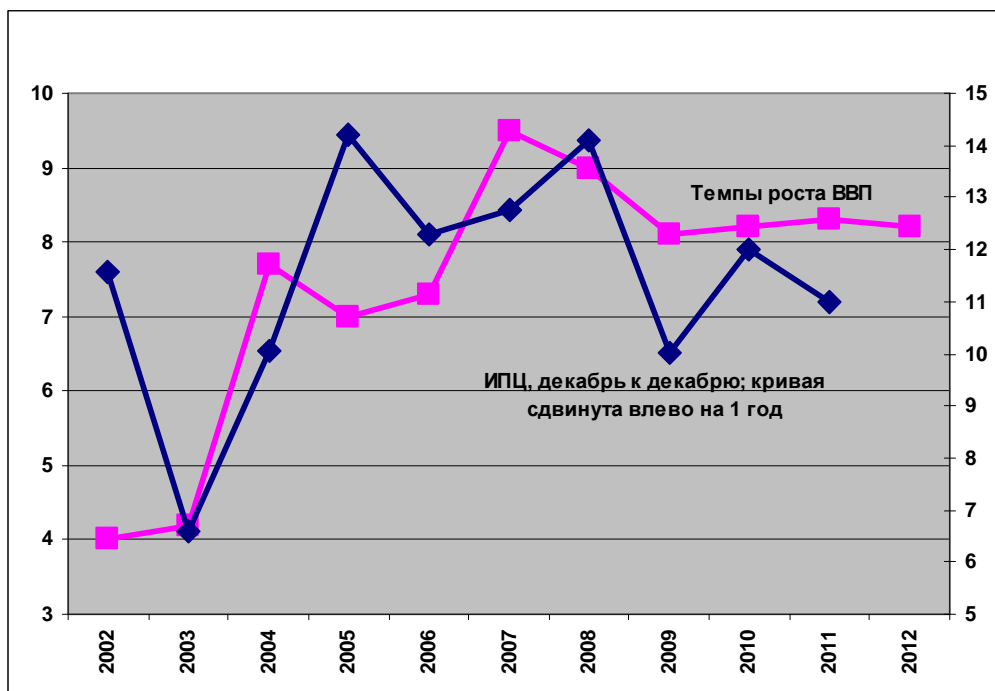
Экономическая политика со знаком качества

В Узбекистане, как и во всех постсоветских была высокая инфляция в начале 90-х годов, но с тех пор макроэкономическая политика становилась все лучше и лучше (рис. 4). Инфляция с 1998 года не превышает 15% даже по альтернативным оценкам МВФ (IMF, 2013); эти альтернативные оценки, как уже говорилось, не намного выше, чем официальные.

Если проблема с инфляцией и есть, то состоит она не в том, что она высока, а в том, что власти могут поддаваться давлению международных финансовых институтов и действительно решить, что главная задача – борьба с инфляцией. В прошлом такое случалось в 2004 и в 2010 году, когда чрезмерное рвение в борьбе с инфляцией оборачивалось подавлением роста (рис. 4).

Рис. 4. Темпы роста ВВП (% , левая шкала) и темпы инфляции (% , правая шкала)

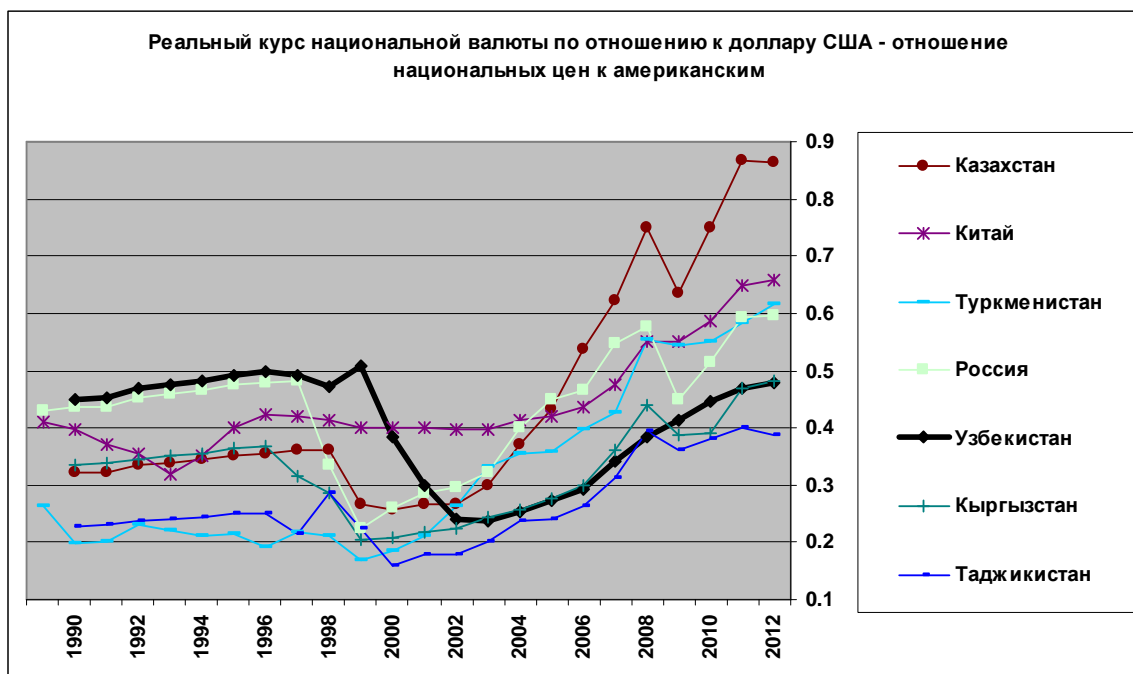
Источник: EBRD.

Между тем, зависимость между инфляцией и ростом отрицательная, только когда инфляция превышает 20%. А до этих значений, при относительно умеренной инфляции, действует обычная кейнсианская положительная зависимость, описываемая кривой Филлипса – шоки совокупного спроса ведут сначала, в первые 18 месяцев, к изменению выпуска, а потом – к изменению цен («пар уходит в свисток») – (см. подробнее: Полтерович, 2006; Попов, 2011). В России, например, в 1998 году – дожали инфляцию до 6% (июль 1998 г. к июлю 1997 г.), и производство упало (на 5% в 1998 году, причем именно до девальвации в августе). Или совсем недавно в России – додали инфляцию до 6-7% в 2011-13 гг., так и темпы роста упали до 2-4%. Но, похоже, в Узбекистане, слава богу, не столь нетерпимы к умеренной инфляции, как в России.

Финансовые позиции правительства очень прочны. Консолидированный государственный бюджет сводится с профицитом вот уже более 10 лет, причем профицит достиг в 2008 году, перед кризисом, 10% ВВП (в 2012 году – 2%). Государственный долг снизился с 59% в 2001 году до 9% в 2012 году, внешний долг в последние годы – всего 10—12% ВВП (World Bank, 2013; IMF, 2012).

А в отношении валютного курса политика Узбекистана вообще лучше всех, как у Китая. После валютных кризисов в Азии (1997 год), России и других переходных экономиках (1998 год) Узбекистан в 2000-01 гг. сильно девальвировал свою валюту, а затем снижал курс постепенно вровень с национальной инфляцией, так что реальный курс постепенно обесценивался (рис. 5). Реальный курс сума по отношению к доллару в 2012 году был на уровне начала 90-х годов, несмотря на значительное улучшение условий торговли (во всех других странах Средней Азии, в России и в Китае реальный курс вырос в последние 20 лет). Реальный же *эффективный* курс (не только к доллару, но и к валютам других торговых партнеров сильно снизился - со 100% в 2000 году до 30% в 2003-07 гг. (IMF, 2008).

Рис. 5. Реальный курс валюты в Узбекистане и других странах Средней Азии, Китае, России

Источник: World Development Indicators.

Экспортеры в Узбекистане обязаны продавать 50% валютной выручки по официальному курсу, который на 30% и более ниже уличного курса. Но платежный баланс сводится с профицитом, валютные резервы с 2004 до 2012

года выросли с 5 до 15 месяцев импорта, не считая более 5 млрд. долл. в Фонде реконструкции и развития, который был создан в 2006 году⁵.

Но самое главное и удивительное свидетельство успеха – способность Узбекистана за всего лишь 20 лет в корне поменять структуру экономики, избавиться от монокультурной зависимости от хлопка, добиться продовольственной и энергетической самообеспеченности и диверсифицировать экономику в сторону промышленности, машиностроения и химии.

Мы в России уже 25 лет говорим о том, как бы снять экономику с нефтяной иглы, а доля сырьевых отраслей в производстве и экспорте между тем растет. Доля минерального сырья, металлов и алмазов в российском экспорте увеличилась с 52% в 1990 году (СССР) до 67% в 1995 и 81% в 2012 году, тогда как доля машин и оборудования упала с 18% в 1990 году (СССР) до 10% в 1995 и 4,5% в 2012 году. А в Узбекистане говорили про преодоление сырьевого крена экономики меньше, а сделали много больше.

Некоторые обозреватели отмечают, что Узбекистан сознательно заимствовал многие черты корейской модели. В Узбекистане сейчас живет почти 200 тысяч корейцев (после сталинского переселения 1937 года), много корейских инвестиций (в том числе автомобильный завод в Асаке, изначально построенный «Daewoo», а теперь принадлежащий государственной автомобильной компании в партнерстве с «GM Uzbekistan»), большая торговля, культурные обмены.

Действительно, Узбекистан, как и Корея ранее, использует такие инструменты промышленной политики, как импортные пошлины, налоговая поддержка экспортеров, заниженный валютный курс. Но не одна Корея использовала эти инструменты, и на Корею Узбекистан похож мало. Отраслевая структура

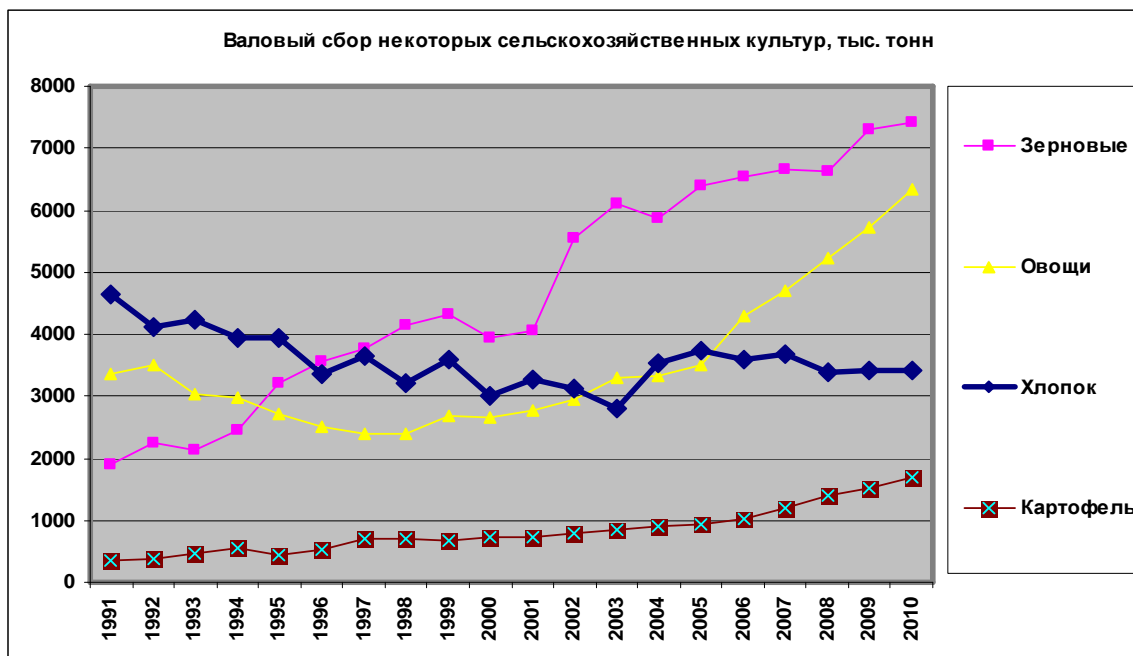
---

⁵ Фонд сочетает в себе функции стабилизационного фонда и фонда развития. В него направляется часть централизованной выручки от экспорта, а расходуются средства отчасти на вложения в долговые обязательства западных стран и отчасти на кредиты для импорта по национальным проектам развития. Так что валютные доходы, попадая в Фонд, стерилизуются, то есть не ведут к росту денежной массы, как происходит, когда они пополняют валютные резервы центрального банка (БЕЕВА, 2011).

экономики формировалась в стране после достижения независимости отнюдь не корейскими, а зачастую прямолинейными советскими методами.

Во-первых, правительство через фактически обязательный госзаказ стало сокращать производство хлопка, увеличивая площади под зерновыми, овощами и картофелем (рис. 6). Производство хлопка снизилось с 6 млн. тонн в 70-е-80-е годы до немногим более 3 млн. тонн сегодня, доля хлопка в экспорте упала с более 50% до менее 10%. Сегодня Узбекистан экспортирует примерно столько же продовольствия, сколько и импортирует.

Рис. 6. Валовый сбор некоторых сельскохозяйственных культур, тыс. тонн

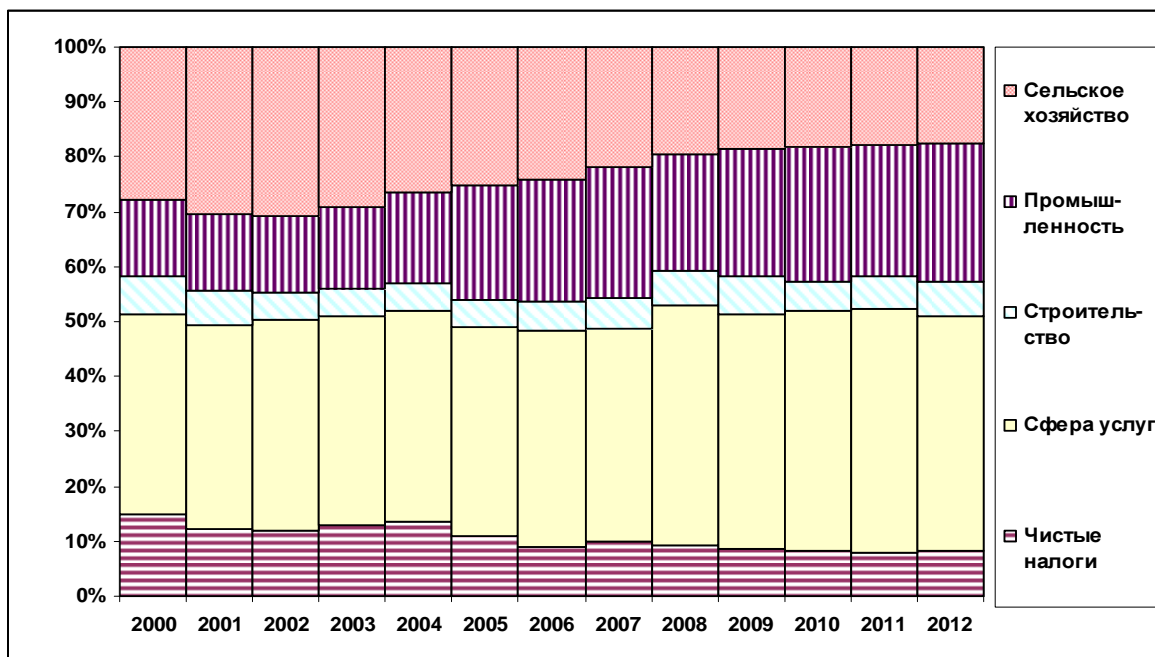

Источник: Госкомстат (<http://www.stat.uz/en/>).

Во-вторых, Узбекистан за годы независимости достиг энергетической самообеспеченности и превратился из нетто-импортера в нетто-экспортера топлива – в основном за счет увеличения производства природного газа и нефти (примерно в 1,5 раза). При этом энергоёмкость узбекского ВВП снизилась в 2 раза, так что Узбекистан превратился в чистого экспортера газа.

В-третьих, Узбекистан поддерживал свою промышленность и оказался единственной страной постсоветского пространства, в которой выросла доля промышленности в ВВП (рис. 7) и доля машиностроения и химии в структуре самой промышленности (таблица 4).

Рис. 7. Отраслевая структура ВВП в 2001-12 гг., в % к итогу

Источник: Trushin, Eskender and Francisco G. Carneiro (2013). Changing for the Better: The Path to Upper-Middle-Income Status in Uzbekistan. *Economic Premise*, No. 119, June 2013

(<http://siteresources.worldbank.org/EXTPREMNET/Resources/EP119.pdf>).

Была создана практически с нуля конкурентоспособная автомобильная промышленность, которая стала одним из моторов национального роста. В 2013 году она должна выпустить 274 тыс. автомобилей, из которых 142 тыс. будут реализованы на внешнем рынке. В 2011 году начал работать завод автомобильных двигателей в Ташкенте (совместное предприятие «Дженерал моторз» и государственной автомобильной компании) с проектной мощностью 360 тыс. двигателей в год.

Таблица 4. Структура промышленного производства в текущих ценах в % к итогу

Отрасли	1991	2011
Электроэнергетика	2.7	8.0
Топливная	3.7	17.5
Черная металлургия	0.8	2.6
Цветная металлургия	9.7	10.4
Химия и нефтехимия	4.0	5.5
Машиностроение	11.6	16.1
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная	1.6	1.1
Производство стройматериалов	4.3	5.3
Легкая	39.8	13.5
Пищевая	14.8	14.0
Прочие отрасли	7.1	6.1
Вся промышленность	100.0	100.0

Источник: Госкомстат (<http://www.stat.uz/en/>).

Экспортная ориентация «без дураков»

За счет чего Узбекистан достиг диверсификации экономики? Многие скажут, за счет протекционистской защиты внутреннего рынка и поддержки отечественных экспортеров против иностранных конкурентов. Так-то оно так, но это лежащий на поверхности и обманчиво простой ответ. Многие страны использовали протекционизм и импортзамещение, но немногим удалось кардинально диверсифицировать экономику в сторону отраслей высокой степени обработки. Подробнее причины успеха промышленной политики Узбекистана анализируются в полной версии статьи⁶, здесь приводятся лишь выводы.

⁶ Журнал Новой экономической ассоциации №1 (21), 2014.

Первое требование к успешной промышленной политике состоит в том, что она должна быть экспортно-ориентированной. Таможенная или прочая защита отечественных производителей обязательно должна дополняться поощрением экспорта, тогда это и называется экспортно-ориентированной промышленной политикой. А без поощрения экспорта протекционизм ведет только к импортзамещению. На первом этапе это нормально – вновь созданные производства начинают конкурировать с импортом прежде всего на национальном рынке, но с определенного момента, если не экспортировать продукцию, начинается загнивание.

Второй принцип успешной промышленной политики состоит в том, что не всякий экспорт стоит поддерживать, а только тот, который дает наибольшую экстерналию, внешнюю выгоду, возникающую тогда, когда общественная отдача от вложений в определенный вид деятельности больше, чем отдача для конкретных фирм, непосредственно занимающихся такой деятельностью. Собственно говоря, именно такая политика, нацеливающая национальных предпринимателей не просто на экспорт, а на постоянное усложнение экспорта, и объясняет экономический успех Японии, Кореи, Китая, а теперь и Узбекистана.

В Узбекистане промышленная политика как раз и проводится с упором на экспортную ориентацию. После российского валютного кризиса 1998 года произошла резкая девальвация узбекского сума, а с 2001 года проводится постепенная плавная девальвация, примерно теми же темпами, что и инфляция, так что реальный курс сума к доллару ежегодно даже чуть-чуть снижается (за счет 2-процентной инфляции в США). В итоге производство несырьевых товаров оказывается конкурентоспособным и все больше ориентируется на экспорт.

Больше того, с 1998 года в Узбекистане были отменены все экспортные пошлины, а с 2004 года для предприятий-экспортеров всех форм собственности установлен порядок уплаты налога на прибыль, имущество и единого налогового платежа в зависимости от доли экспорта товаров собственного производства за свободно конвертируемую валюту в общем объеме реализации.

При доле экспорта от 15 до 30 процентов установленные ставки налогов снижаются на 30 процентов, а при доле экспорта от 30 процентов и более установленные ставки налогов снижаются на 50 процентов.

Указанные льготы не распространяются на торгово-посреднические предприятия, а также на производственные предприятия, экспортирующие за свободно конвертируемую валюту сырьевые товары - хлопковое волокно, хлопчатобумажную пряжу, нефть, нефтепродукты, газовый конденсат, природный газ, электроэнергию, драгоценные, цветные и черные металлы.

Низкий курс валюты и некосметические налоговые льготы – это серьезная, «не понарошку», политика стимулирования экспорта, которая в других переходных экономиках отсутствует. Можно сколько угодно говорить о том, что надо экспортировать готовые изделия, а не сырье, но если весомых стимулов к этому нет, то призывы, так и останутся призывами. В Узбекистане же слов о стимулировании экспорта готовых изделий говорят мало, а делают много.

Экспортерами не рождаются, но становятся. Согласитесь, если налоги для экспортеров готовых изделий в 2 раза ниже, то и экспортировать стремятся все – даже в ущерб продажам на внутреннем рынке. Так производителей с самого начала ориентируют на мировой рынок, на самые передовые образцы продукции и самые продвинутые стандарты качества, так создается конкурентоспособное в мировом масштабе производство,

Экспорт за 20 лет независимости вырос более, чем в 6 раз (в долларах, в текущих ценах – рис. 9), а с 2002 года торговый баланс сводится с растущим профицитом. Доля хлопка в экспорте упала с 65% в 1992 году до 9% в 2012 году, тогда как доля топлива (в основном газа) и нефтепродуктов выросла с 4 до 38%, доля машин и оборудования – с 2 до 7%, доля продукции химической промышленности – с 6 до 9%. В импорте же продовольствие замещалось машинами и оборудованием: доля продуктов питания в 1992-2012 гг. упала с 43 до 10%, а доля машин и оборудования повысилась с 10 до 46% (рис. 10) – (Trushin, Carneiro, 2013⁷).

---

⁷ По другим данным (UNDP, 2010), доля машин и оборудования в экспорте составила 9% в 1992 году, упала до 2% в 1995 году и вновь возросла до 7-10% в 2004-08 гг.

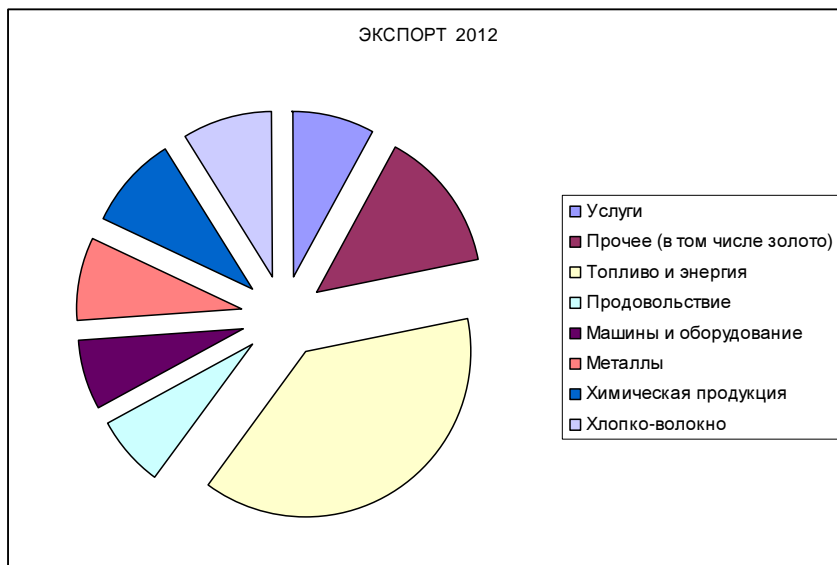
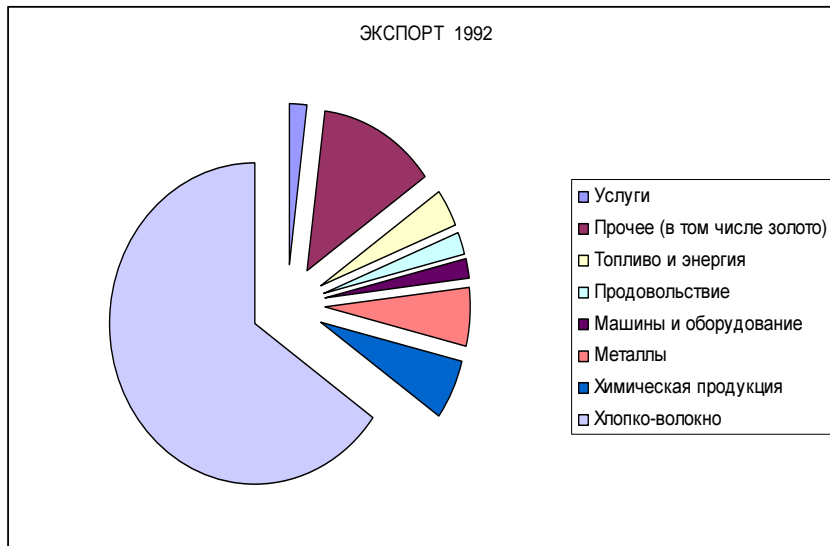
Рис. 9. Экспорт и импорт Узбекистана, млн. долл.

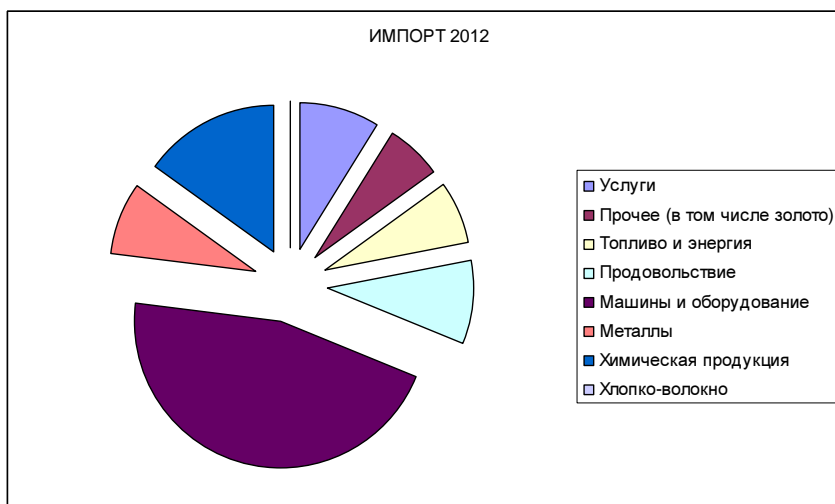
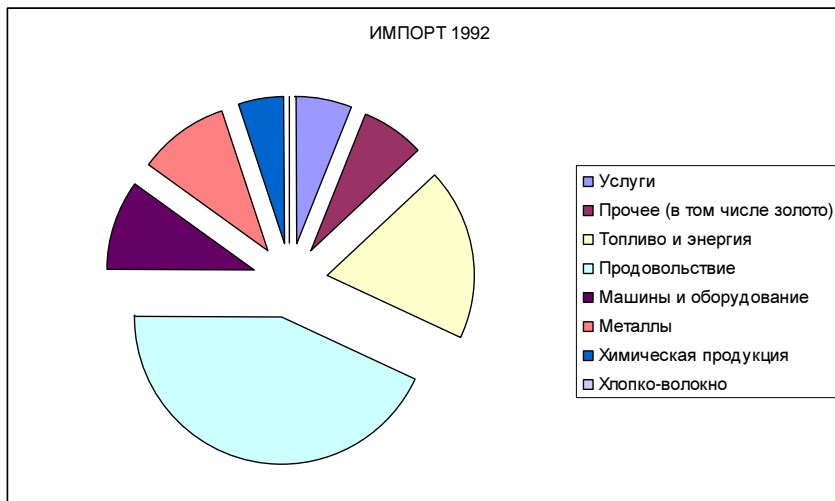

Источник: Госкомстат Узбекистана (<http://www.stat.uz/en/>)

Можно не доверять статистике по стоимостным объемам внешней торговли, так как она зависит не только от объемов, но и от цен. Но важно видеть лес за деревьями. Около 300 тыс. автомобилей (почти половина на экспорт), произведенных в 2013 году (в 1990 г. Узбекистан авто не производил) – это натуральные показатели, которые никто сомнению не подвергает. Переориентация половины сельского хозяйства с хлопка на продовольствие – тоже факт. За 20 лет такие крупные прогрессивные сдвиги больше нигде не произошли. Вывоз хлопка фактически был замещен экспортом газа, но не только экспортом газа, но и экспортом автомобилей. Превенная ресурсная ориентация (хлопок) была заменена экспортом газа (промышленное сырье вместо сельскохозяйственного) и экспортом машинотехнической продукции. Доля газа в экспорте в последние десятилетия увеличилась у всех (у кого он есть), так как цены на него были высокими. А доля машин и оборудования – только у Узбекистана.

Рис. 10. Структура экспорта и импорта Узбекистана в 1992 и 2012 гг. в % к итогу

Источник: Trushin, Carneiro, 2013.

*

*

*

"Набор мелких государств-паразитов, управляемых рэкетирами и бандитами, массовые лагеря беженцев и огромная теневая экономика. Добро пожаловать в Мусоростан" – так написал о Средней Азии (и о всех бывших советских республиках, исключая Эстонию) солидный профессор (Стивен Коткин) солидного университета (Принстона) в 2002 году (Kotkin, 2002 cited in Spechler, 2008). Справедливости ради надо заметить, что большинство экспертов никогда не позволяли себе называть целые страны «мусоростанами», а многие даже в

2000 году считали успех Узбекистана во многом закономерным (Spechler, (2000).

А сегодня возвышение Узбекистана и малолиберализованных экономик на постсоветском пространстве не заметит лишь тот, кто не хочет видеть. Появились статьи о новой среднеазиатской модели государства, нацеленного на развитие (developmental state) – (Stark, Ahrens, 2012). По словам Терри Маккинли, «неортодоксальная политика сослужила Узбекистану неплохую службу. Он сумел успешно смягчить тяготы начального этапа переходного периода, восстановить respectable темпы роста к концу 1990-х годов и кардинально перестроить свою экономику так, чтобы самообеспечиваться такими критическими ресурсами как энергия и продовольствие. Эта перестройка позволила избежать худших последствий продовольственного и топливного кризиса середины 1998 года и глобального финансового кризиса и рецессии 2008-09 гг... По любым стандартным барометрам экономического поведения, равно как и по сравнению с другими странами с низкими доходами, Узбекистан преуспел за последние два с лишним десятилетия переходного периода, хотя его достижения для многих ортодоксальных экономистов остаются загадкой, портящей настроение» (McKinley, 2010).

Да, Туркменистан, Казахстан и Азербайджан экспортируют ресурсы, но ведь и Россия и Кувейт с Саудовской Аравией их тоже экспортируют, а экономический рост там намного слабее. Саудовская Аравия с Кувейтом, по крайней мере, умело распределяют нефтяную ренту, а мы даже этим похвастаться не можем. А Узбекистан сегодня идет по пути Японии, Кореи, Тайваня, Сингапура, Гонконга и становится вровень с Китаем и Вьетнамом – сильный качественный рост, основанный на экспорте готовых изделий и диверсификации экономики – немногим странам удается такое. Так что, возможно, через 10-20 лет журналисты будут писать статьи о том, как узбекский верблюд догнал восточноазиатских драконов и тигров...

ЛИТЕРАТУРА

Полтерович В. В. (2006). Снижение инфляции не должно быть главной задачей политики правительства. Записка в Правительство РФ, 2 апреля 2006 г

Полтерович, В., В. Попов (2002). Последняя надежда. – Эксперт, № 48, 22 декабря 2002г.

Полтерович В.М., В.В. Попов (2006). Эволюционная теория экономической политики. Часть вторая. Необходимость своевременного переключения. – Вопросы экономики, № 8, 2006 (<http://http-server.carleton.ca/~vpopov/documents/STAGES-VoprEcon-Part2.pdf>).

Попов, В. В. (1998). Экономическая динамика при переходе к рынку: влияние исходных условий и экономической политики. – *Вопросы экономики*, №.7, 1998г., с. 42-64. Сильные институты важнее скорости реформ. – *Вопросы экономики*, №.8, 1998г, с. 56-70.

Попов В.В. (2006 а). Больше протекционизма! Торговли! Роста! Нетрадиционный взгляд на экспортную ориентацию и экономическое развитие. Политический журнал, № 15 (110) / 24 апреля 2006г.

Попов В.В.(2006 б). ТЕХНОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЧУДА. - Прогнозис, № 2(6), Лето 2006г.

Попов, В. В. (2007). Шокотерапия против градуализма 15 лет спустя: почему динамика производства в странах с переходной экономикой была неодинаковой. - Вопросы экономики, № 5, 2007.

Попов, В.В. (2011). Стратегии экономического развития. М., Изд-во «ГУ-Высшая Школа Экономики», 2011, гл. 1.

Чепель С.В. и др. (2010 а). Экономический рост и инновации: теория, практика и моделирование. Институт прогнозирования и макроэкономических исследований, Ташкент, 2010, с. 17.

Чепель С.В. и др. (2010 б). Экономический рост и инновации: теория, практика и моделирование. Институт прогнозирования и макроэкономических исследований, Ташкент, 2010, с. 11.

BEEBA, 2011. Investment Climate Statement – Uzbekistan. 2011 Investment Climate Statement. BUREAU OF ECONOMIC, ENERGY AND BUSINESS AFFAIRS. March 2011, <http://www.state.gov/e/eb/rls/othr/ics/2011/157382.htm>).

IMF (2008). Republic of Uzbekistan: 2008 Article IV Consultation—Staff Report; Public Information Notice on the Executive Board Discussion; and Statement by the Executive. IMF Country Report No. 08/235, July 2008.

IMF (2012). Uzbekistan: Staff Visit, May 21–25, 2012. Aide Memoire, 2012, <http://www.imf.org/external/np/ms/2012/052512.htm>

Kambariddinova, Nigara, Akmal Mirzaev (2010). NATIONAL INNOVATION SYSTEM IN UZBEKISTAN. – *Verslas XXI amžiuje (Business in XXI Century)*. 15-osios Lietuvos jaunujų mokslininkų konferencijos „Mokslas – Lietuvos ateitis“ 2012 metų teminės konferencijos straipsnių rinkinys (<http://jmk.vvf.vgtu.lt/index.php/conference/2012/paper/viewFile/16/63>).

Kotkin, Stephen. "Trashcanistan." *New Republic* Vol. 226 , no. Issue 14 (2002): 26-38.

McKinley, Terry (2010). The Puzzling Success of Uzbekistan's Heterodox Development. – *Development Viewpoint*. Number 44, January 2010. Centre for Development and Policy Research, School of Oriental and African Studies.

Polterovich, V., V. Popov (2004). Accumulation of Foreign Exchange Reserves and Long Term Economic Growth. – In: *Slavic Eurasia's Integration into the World Economy*. Ed. By S. Tabata and A. Iwashita. Slavic Research Center, Hokkaido University, Sapporo, 2004. Updated version, 2006;

Soviet Economy (1991). *A Study of the Soviet Economy*. IMF, World Bank, OECD, EBRD. 1991, Vol. 1, 2, 3.

Spechler, Martin C. (2008). *The Political Economy of Reform in Central Asia. Uzbekistan under Authoritarianism*. Routledge, Taylor and Francis Group, London and New York, 2008, 172p.

Spechler, M. C. (2000). Hunting for the Central Asian Tiger. *Comparative Economic Studies*, XLII(3), 101–120.

Stark, Manuel; Ahrens, Joachim (2012). Economic reform and institutional change in Central Asia: Towards a new model of the developmental state? - PFH Forschungspapiere/Research Papers, PFH Private Hochschule Göttingen, No. 2012/05.

Trushin, Eskender and Francisco G. Carneiro (2013). Changing for the Better: The Path to Upper-Middle-Income Status in Uzbekistan. *Economic Premise*, No. 119, June 2013
(<http://siteresources.worldbank.org/EXTPREMNET/Resources/EP119.pdf>).

UNDP (2010). Improving Trade Policy for Human Development. UNDP, October 2010, <http://europeandcis.undp.org/news/show/651A9314-F203-1EE9-BF2C431238721AC>)

World Bank (2013). World Bank Group – Uzbekistan Partnership: Country Program Snapshot. March 2013
(<http://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/document/Uzbekistan-Snapshot.pdf>).

Zettelmeyer, Jeronim (1998). The Uzbek Growth Puzzle. IMF Working paper 98/1330 (<http://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/wp98133.pdf>).